

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ УСТАВНЫХ ГРАМОТ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

(ДАННЫЕ О КРЕСТЬЯНСКОМ НАДЕЛЕ)

Б. Г. ЛИТВАК

Необходимость полного статистического изучения уставных грамот — основного документа реализации Положений 19 февраля 1861 г. — для выявления конкретной картины экономических условий выхода крестьян из крепостной зависимости сейчас признается многими исследователями. Ошибочность распризнанных в литературе данных об изменениях в крестьянском землепользовании в связи с реформой 19 февраля 1861 г. была доказана еще в 1903 г. В. Серебряковым на материалах уставных грамот Саратовской губернии¹.

Пионером в изучении уставных грамот в советское время был И. И. Полосин, возглавивший в 20-х годах группу советских историков, изучавших уставные грамоты Тверской, Ярославской и других губерний. Широкого размаха эта работа, однако, не получила. Исследование И. И. Полосина «Шуваловщина в 1858—1878 годах (из истории аграрной реформы в Верейском уезде Московской губернии)», появившееся в 1930 г., хотя и является образцом вдумчивого изучения уставных грамот, основывалось на материале только одной волости.

В последнее время появились исследования, авторы которых в той или иной мере использовали материалы уставных грамот. Основные итоги этих работ нашли отражение в книге П. А. Зайончковского². Однако в этих работах не раскрывается и не мотивируется методика обработки и группировки уставных грамот.

Мы поставили себе целью найти такой принцип деления уставных грамот на группы, который при сохранении положительных сторон поволостной группировки, примененной еще И. И. Полосиным, позволил бы глубже вскрыть влияние на размеры наделов не только экономической мощи помещичьих хозяйств, но и форм эксплуатации крестьян, и вместе с тем не требовал бы большого количества таблиц.

Дело в том, что поволостной принцип группировки уставных грамот имеет существенные недостатки. В 1861 г. вновь формируемые волости далеко не всегда являлись однородными в экономическом отношении, ибо при определении их границ больше учитывались фискальные и религиозные интересы, чем экономическая однородность территории. Поволостная группировка не раскрывает различия интересов среди разных слоев помещичьего класса. При применении этого принципа почти невозможно нащупать взаимозависимость размера и характера отрезков от характера дореформенного ведения хозяйства помещиками и форм эксплуатации крестьян. Кроме того, нивелируются условия, на которых крестьяне разных помещиков вышли из крепостной зависимости.

Поволостная группировка была нами расчленена с целью вскрыть специфику проведения реформы в каждом типе помещичьих хозяйств, что дало возможность также нагляднее показать конкретные экономические итоги реформы, проведенной в ожесточенной борьбе двух враждебных, но экономически связанных между собой классов — помещиков и крестьян.

Предлагаемый принцип группировки состоит в том, что в пределах волости уставные грамоты объединяются по количеству крепостных душ (свыше ста — крупнопоместные, до ста — среднепоместные и до 21 — мелкопоместные) — это в той или иной мере отражало экономическую мощь помещичьего хозяйства, и по форме эксплуатации крестьян. Такие важные факторы, как качество земли, близость ее к торговым путям и городам и т. д., учитывались при изучении каждого конкретного случая наделения землей.

Нами изучены материалы 2045 уставных грамот на 2652 селения девяти уездов Московской губернии, что дало возможность завершить начатую Г. В. Ильиным и С. С. Филипповой работу³. Таким образом, мы

¹ В. Серебряков. Землевладение в Саратовской губернии и степень обеспеченности крестьян землей. «Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Саратовской губернии», Саратов, 1903.

² П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, М., 1954.

³ Г. В. Ильин. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии. Канд. дис., М., 1950; С. С. Филиппова. Осуществление реформы 19 февраля 1861 г. в Московской губернии (по материалам Бронницкого и Рузского уездов). Канд. дис., М., 1953.

имеем возможность оперировать данными уставных грамот по очень важному для истории капитализма в России району — Московской губернии.

* * *

Анализ данных уставных грамот об изменениях в крестьянском наделе, происшедших в связи с реформой, должен выявить всю совокупность фактов, свидетельствующих о крепостническом характере реформы, сохранившей основу феодализма — феодальную собственность на землю.

Сокращение душевого надела по уставным грамотам видно из таблицы 1⁴.

ТАБЛИЦА 1

Наименование уезда	Средний дореформенный надел в десятинах	Надел по уставным грамотам в десятинах	Разница в десятинах	Высший надел по положению
Богородский	2,4	2,37	-0,03	3,0
Бронницкий	2,35	2,12	-0,23	3,0
Верейский	4,2	3,49	-0,71	3,5
Волоколамский	4,0	3,34	-0,66	3,5
Дмитровский	3,8	3,05	-0,75	3,5
Звенигородский	3,5	3,08	-0,42	3,5
Клинский	4,0	3,38	-0,62	3,5
Коломенский	3,1	2,62	-0,48	3,0
Можайский	4,4	3,44	-0,96	3,5
Московский	2,6	2,42	-0,18	3,0
Подольский	3,3	3,09	-0,21	3,25
Рузский	4,1	3,44	-0,76	3,5
Серпуховский	3,2	3,0	-0,2	3,25

Таким образом, редакционные комиссии, устанавливавшие нормы надела, якобы исходя из фактического положения вещей, в

⁴ Эта таблица, как и следующие, является результатом изучения данных уставных грамот, хранящихся в Государственном историческом архиве Московской области (ГИАМО, ф. 66, оп. 3, дд. 1—176, 394—1465, 1780—1999, 2185—2493, 2757—3028; оп. 6 полностью).

данном случае заранее декретировали отрезку не только при надлении пониженным наделом, но даже тогда, когда крестьянам надлежало получить высший надел.

Только в Звенигородском уезде фактический дореформенный надел соответствовал высшей норме и не предполагал отрезки. В Московском и Богородском уездах высший надел предполагал прирезку из помещичьих земель. Во всех остальных уездах установленные высшие нормы узаконили отрезку. Московские помещики вообще не склонны были обеспечить крестьян высшим наделом. Совсем наоборот, ни в одном уезде средний надел не достигает высшей нормы. Послереформенный надел значительно более унифицирован, чем дореформенный, что представляет положительное, прогрессивное явление, так как оно в какой-то мере способствовало сокращению многочисленных градаций помещичьих крестьян, вызванных иногда случайными обстоятельствами или сугубо личными качествами помещиков. Вместе с тем унификация более резко определила грани между размерами наделов в промышленных уездах и в прочих, которые существовали и до реформы. Средний надел в промышленных уездах не поднимается до 2,5 десятин, а в уездах, менее развитых в промышленном отношении, не опускается ниже 3 десятин. Даже в ярко выраженных земледельческих уездах средний размер надела не достигает высшей нормы. Наконец, из таблицы видно, что чем больше в промышленном отношении был развит уезд, тем меньше снижался размер надела в результате реформы. Среднедушевое количество земли, потерянное крестьянами в результате реформы, колеблется в пределах 0,03 десятины — 0,96 десятины.

Однако данные таблицы 1 явно недостаточны для вскрытия своеобразия процесса обезземливания крестьян.

На основании итогов нашей группировки уставных грамот девяти уездов губернии мы можем установить изменения в размерах душевого надела крестьян (в десятинах) различных групп владельцев (табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Группировки помещичьих хозяйств по форме эксплуатации крестьян	Группировки помещичьих хозяйств по размерам имений								
	Мелкопоместные			Среднепоместные			Крупнопоместные		
	до 1861 г.	по грамотам	разница	до 1861 г.	по грамотам	разница	до 1861 г.	по грамотам	разница
Оброчные	4,4	3,0	-1,4	4,0	3,2	-0,8	3,2	2,8	-0,4
Смешанные	4,8	3,3	-1,5	3,7	3,1	-0,6	3,7	3,2	-0,5
Барщинные	3,2	3,2	—	3,5	3,2	-0,3	3,6	3,0	-0,6
Итого в среднем	4,1	3,2	0,9	3,7	3,2	0,5	3,5	3,0	0,5

Группируя материал по социально-экономическим признакам, мы имеем возможность вскрыть закономерности, ускользающие от нас в поуездной группировке. Выясняется, что обезземеливание крестьян шло интенсивней в мелком помещицком хозяйстве. У оброчных крестьян надел резко понизился в группе мелкопоместных, зато у барщинных этой группы он вовсе не изменился. Среднепоместные дворяне сокращали крестьянский надел более интенсивно у оброчных, менее — у барщинных, а крупнопоместные — наоборот. Все эти явления получают свое объяснение только при конкретном анализе абсолютных цифр отрезков.

Рассмотрим в первую очередь резко отличающиеся по своему экономическому развитию два уезда: Богородский, как наиболее промышленный в губернии, и Волоколамский, как наиболее земледельческий. В Богородском уезде 38,9% наделов были до двух десятин, а 35,4% — до 3 десятин, т. е. 74,3% крестьян получили наделы ниже высшей нормы. В Волоколамском уезде наблюдаем совершенно другую картину: 70,1% крестьян получили наделы по высшей норме. То же наблюдается в Верейском, Клинском и Можайском уездах.

Последний уезд интересен тем, что здесь не было наделов, превышавших высшую норму, и наделов менее двух десятин. Он дает самый высокий процент крестьян, обеспеченных высшим наделом, по всей губернии — 88,1% и, как увидим ниже, самый высокий процент отрезков. Эти факты снова подтверждают вывод о том, что там, где большое распространение имела оброчная повинность, процент наделов по высшей норме был всегда меньше. Эта мысль подтверждается и при рассмотрении распределения наделов внутри уезда у разных групп крестьян. Характерно, что размер помещичьего хозяйства не оказывал существенного влияния на норму надела. Мы не прослеживаем здесь разницы между крестьянами мелкопоместных, средних и крупнопоместных имений. Но общеуездные группировки крестьян по форме их эксплуатации полностью подтверждают наш тезис о падении размера надела при оброчной форме эксплуатации. Количество крестьян, получивших наделы до двух десятин, всегда больше среди оброчных. В Верейском уезде,

например, количество оброчных, получивших высшие наделы, составляет всего 31,4% общего числа крестьян, получивших землю, но среди получивших наделы ниже двух десятин оброчных крестьян было более 94%. В Волоколамском уезде соответственно — 16,2% и около 75% из всех, получивших наделы ниже двух десятин. То же можно проследить и по данным других уездов. Вместе с тем следует отметить, что в группе наделов, превышавших норму, удельный вес оброчных крестьян, получивших их, наиболее высокий. Следовательно, мы можем сказать, что реформа ускорила процесс расслоения крестьян, особенно среди оброчных, и резко отделила ту группу крестьян, которая стояла на грани обезземеливания, от немногочисленной группы, которая могла в пределах общины использовать большие наделы для своего сельскохозяйственного производства.

Стремление зажиточной прослойки крестьян к увеличению наделов подтверждается не только этими нашими расчетами, но и другими конкретными фактами. Так, в Богородском уезде 20 крестьян села Петрушина получили, кроме наделов, 298 десятин 1223 сажени земли по особому соглашению. В промышленных деревнях Буньково и Зуево 24 крестьянских хозяйства при подписании уставной грамоты немедленно внесли выкуп за полные наделы и помещик Рюмин предоставил требуемый ими размер надела за счет сокращения наделов у остальных крестьян.

В разрезе группировок уставных грамот по формам эксплуатации крестьян итоговые данные по девяти уездам представлены в таблице 3.

Помещики, которые перевели своих крепостных на оброк и, следовательно, нашли новые пути ведения хозяйства, шли на увеличение крестьянского надела в момент реформы очень неохотно и только ценой серьезного повышения повинностей, а оброчные крестьяне, строившие свои хозяйственные расчеты при выходе из крепостной зависимости на применение своего труда вне земледелия и смотревшие на надел как на подсобное средство существования, не стремились его увеличивать на условиях предлагаемых помещиками.

Совершенно в другом положении были крестьяне, несшие смешанную повинность.

ТАБЛИЦА 3

Группировки	Число крестьян, получивших							
	больше высшего надела		высший надел		меньше высшего надела			
					до 3 десятин		до 2 десятин	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%
Оброчные	3056	57,3	31 482	33,6	22 854	51,0	12 553	75,7
Смешанные	1505	28,2	47 013	50,3	15 666	34,9	2 415	14,5
Барщинные	771	14,5	14 952	16,1	6 234	14,1	1 612	9,8
Итого по уездам	5 332	100	93 447	100	44 754	100	16 580	100

Помещики были заинтересованы в обеспечении их высшими наделами, чтобы всегда иметь работников с инвентарем для обработки своих земель. Но вместе с тем помещики не желали большого увеличения наделов, чтобы не лишиться возможности оказывать экономическое давление на крестьян, а крестьяне стремились к увеличению наделов хотя бы до высшей нормы. Этим и объясняется, что половина всех крестьян, получивших высшие наделы, состояла на смешанной повинности.

Вышеуказанная закономерность проявляется еще ярче, когда мы рассматриваем распределение наделов внутри групп по формам эксплуатации. Так, среди оброчных только 45% получили высшие наделы, а вместе с 4,3% крестьян, получивших наделы более высших, это составляет 49,3%. Остальные 50,7% получили наделы ниже высших, в том числе около 18% — до двух десятых. В группе крестьян, выполнявших смешанные повинности, высшие наделы получили 70,5% из всех наделенных земель, а вместе с получившими наделы выше нормы — 72,7%, неполные наделы получили 21,3%, среди которых только 3,6% — составляли наделы менее двух десятых. Наделы барщинных крестьян распределяются следующим образом: выше нормы — 3,2%, выше наделы по норме — 63,4%, ниже высшего надела — 33,4%, в том числе 6,8% до двух десятых. Снижение процента крестьян, получивших полные наделы, и увеличение процента, получивших наделы до двух десятых, по сравнению с группой крестьян, выполнявших смешанные повинности, объясняется расчетом помещиков, ведущих барщинное хозяйство, на даровой труд крестьян и желанием их во что бы то ни стало расширить свои запашки и сенокосы.

Итак, в уставных грамотах девяти уездов Московской губернии отчетливо проступает тенденция помещиков обезземелить крестьян. 38,4% общего числа крепостных крестьян, наделенных землей, получили наделы ниже высшей нормы, а высшая норма, установленная для уездов Московской губернии, была сама по себе ниже того размера надела, который был определен даже реакционным Московским губернским дворянским комитетом как размер прожиточного минимума. Этими-то высшими наделами было наделено 58,3% крестьян, и только 3,3% крестьян пользовались наделами, превышавшими эту голодную норму.

В. И. Ленин в 1908 г., когда производительные силы в сельском хозяйстве были гораздо выше, чем в момент реформы, считал земельные владения размером до 15 десятин на двор признаком разорения крестьянства, задавленного крепостнической эксплуатацией⁵. Тем более правомерно говорить о том, что изучение размера крестьянского надела по данным уставных грамот конкретно раскрывает экономические предпосылки бурного процесса «раскрестьянивания» в послереформенный период.

Материал уставных грамот дает возможность изучить не только размер пореформенного надела, но также его состав, качество

и конфигурацию. Правда, для изучения качественной стороны пореформенного надела делопроизводственный материал уставных грамот не дает полных и систематических данных и поэтому он не поддается статистической обработке, но отдельные факты и целые группы их вполне достаточны для изучения качественной стороны крестьянского пореформенного надела. Это «лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению»⁶.

У помещиков было два важнейших признака изменения к худшему качества крестьянского надела: разверстание и отрезки, изменявшие размер и качество надела.

Идея разверстания как формы землеустройства сама по себе прогрессивна, так как по сути дела после генерального межевания до момента реформы такой массовой землеустроительной работы в России не было. Однако практическое осуществление разверстания было не только открытым крепостническим насилием над волей крестьян, но и прямым их ограблением. Делопроизводственный материал по разверстанию в некоторых случаях даже рельефнее, чем материл об отрезках, вскрывает помещичьи планы дальнейшего хозяйствования. Разверстание было так связано с конкретными особенностями каждого земельного участка, что никакое законодательство, даже если бы оно и ставило перед собой такую цель, не могло предвидеть всех возможностей ущемления интересов крестьян. Совершенно очевидно, что помещики, не ограниченные при разверстании даже весьма призрачными рамками «Положения», действовали, не оглядываясь на рамки закона. Эти действия и помыслы помещиков хорошо видны на примере Волоколамского уезда. Рассмотрим прежде всего соотношение угодий в крестьянском наделе.

Помещики стремились так разверстать угодья, чтобы наиболее ценная земля оказалась в их руках. Земли, улучшаемые крестьянским трудом из поколения в поколение, переходили к помещику под лицемерным предлогом «уничтожения чересполосности». Это было массовое изъятие у крестьян дифференциальной ренты¹¹.

По грамотам помещика А. М. Безобразова⁷, дореформенный надел не детализирован по угодьям, поэтому его сравнить с пореформенным нельзя, но соотношение угодий в пореформенном наделе весьма характерно. Из 360 десятин 1555 сажень надельной земли крестьян деревень Дашково и Пыщерово 19 десятин 1400 сажень занимали усадьбы, 292 десятины 1831 сажень было под пашней, 24 десятины 1300 сажень было покоса, 15 десятин 1500 сажень — курстарника и 8 десятин 360 сажень — выгона. Если объединить землю под выгоном с покосной, то получится всего 32 десятины 1660 сажень покоса, т. е. 9% общего количества земли. Совершенно ясно, что такое количество покоса не могло обеспечить со-

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 61.

⁷ ГИАМО, ф. 66, оп. 33, д. 678, 796—уст. грамоты.

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 62.

держание скота и нормального удобрения 292 десятин пахотной земли. Не случайно поэтому крестьяне вели настоящую войну с Безобразовым за возвращение отнятых покосов, самовольно косили сено на его земле и т. д.⁸

Помещик Варженевский отрезал у крестьян покосные земли. Крестьяне заявили мировому посреднику, что они предпочитают, чтобы были отрезаны пахотные земли, но помещик на это не согласился. Крестьяне добивались этих покосов в течение 3—4 лет⁹, но их прошение так и утонуло в потоке аналогичных просьб, дойдя до земского отдела Министерства внутренних дел.

Крестьяне деревень Паниково, Пахомово, Куколово, Соколово, Михалево, Фаланеево получили в надел 1060 десятин 1200 сажень земли, из которых покоса было только 165 десятин 2100 сажень¹⁰.

Не лучше обстояло дело с пахотной землей. Чернышев-Кругликов наделил крестьян 5955 десятинами земли, из которых пахотной было только 2786 десятин, что составляет 47%. Нехватка пахотной земли у крестьян была настолько велика, что именно эти селения, входившие в состав Яропольской волости, платили самую высокую арендную цену за десятину пахотной земли в уезде, хотя резких колебаний в качестве земли в разных местностях уезда не было.

Коснемся качества самих угодий. В этом плане уставные грамоты, раскрывающие крестьянскую оценку качества надела, дают богатейший материал. В актах мировых посредников несколько сглаживается отношение крестьян к планомерному их ограблению, но прошения целых обществ в разные присутственные места сохраняют всю непосредственность крестьянских мыслей. «Означенное количество земли,— читаем мы в прошении крестьян села Юркина Волоколамского уезда, бывшего во владении помещика Гончарова,— совершенно дурного качества и в расположении оной находится до шестидесяти неудобных болот небольшого размера, очень кочевистые, заросшие мохом и водостойные... В двухверстном расстоянии от нашего селения находятся пустыри, на которых никогда не получали никаких плодов, также неудобны ни к сенокосению и ни к возделыванию и неудобны к пастбищу, а количеством находятся до 15 десятин всего пустырей»¹¹. Крестьяне деревень Шекино и Путятино писали, что помещик «землю дал нам в надел из-под вырубки леса с пнями до 55 десятин, которая никогда у нас во владении не была и притом не годна ни под пашню, ни под покос, взамен которой вырезал самого лучшего покоса... более пятнадцати десятин»¹². В деревне Сизенево крестьяне записывают в акте от 10 октября 1861 г., что треть пашенной земли, всего 58 десятин,

«не годится для возделывания»¹³. Крестьяне деревни Шубино отмечают, «что земля, остающаяся во владении помещицы, лучшего качества против той, которой она пользовалась до настоящего времени»¹⁴. В деревне Сидельницы помещик Кошкин—мировой посредник, отобрал у крестьян уваженную пахотную землю, а дал им пахотную, «но не уваженную землю, которая не возделывалась владельцем более пяти лет»¹⁵. Аналогичные случаи насыщаются десятками¹⁶.

Из всех многочисленных случаев возражений крестьян против действий помещиков Волоколамского уезда только один был принят во внимание. Речь идет о грамоте Шиловского. Мировой посредник писал: «В пустоши Микулиной, которая по грамоте назначена к отрезке, как излишняя, у крестьян почти единственный покос, между тем в надел поступило до 60 десятин совершенно неудобной земли... и просил грамоту пересоставить, что и было сделано. Характерно, что крестьяне получили ту же землю за те же повинности, что и до реформы»¹⁷.

В прошении бывших крепостных помещика Панафидина от 10 февраля 1863 г. на имя губернского по крестьянским делам присутствия говорится: «по уставной грамоте г. Панафидиным предоставлено в пользование наше на все 73 души 276 десятин земли, в число которой поступает до 12 десятин болота и с лишком 22 десятины земли, бывшей под лесом, в прошлом году сведенном, с пнями березовыми и сосновыми, причем вся земля, поступающая нам в надел, расположена таким образом, что если и не составляет чересполосности с господскими полями, то совершенно окружена владениями помещика, отчего при выгоне скота легко могут быть неприятности от потравы, сверх того, есть одно поле за болотом, к которому и проезду нет другого, как по господским угодьям. Словом,— заключают просители,— г. Панафидин выбрал для себя самую лучшую пашенную и сенокосную землю, а нам отдает худшую»¹⁸.

Еще ярче выразились в своем прошении крестьяне села Юренева: «Высочайше утвержденное положение издано не для стеснения крестьян, а для улучшения их быта. А где же тут улучшение? Для нас совершенное только стеснение и разорение»¹⁹. В некоторых прошениях затронут вопрос конфигурации крестьянского надела. Размежевание угодий было одним из средств сохранения зависимости крестьян от помещиков. Помещица Севенард отрезала землю в свою пользу из середины крестьянского надела села Марьяна²⁰. Крестьяне деревни Кашино получили неполный надел, из кото-

¹³ Там же, оп. 3, д. 752 — уст. грамота.

¹⁴ Там же, д. 742.

¹⁵ Там же, д. 800.

¹⁶ Там же, дд. 671, 728, 782, 825, 827 и др.

¹⁷ Там же, д. 693.

¹⁸ Там же, оп. 1, т. 1, д. 1174, лл. 3—4.

¹⁹ Там же, д. 308, лл. 1—2.

²⁰ Там же, д. 714, л. 4; см. также дд. 783, 832 и др.

⁸ ГИАМО, ф. 66, оп. 1, т. 1, д. 1377, лл. 1—12.

⁹ Там же, оп. 3, д. 669 — акт мирового посредника.

¹⁰ Там же, оп. 1, т. 1, д. 1715, лл. 5, 6.

¹¹ Там же, т. 1, д. 1103, лл. 3—4.

¹² Там же, д. 400, лл. 7об., 8.

рого «19 десятин находятся за 33 версты, отказаться от оной мы не можем,—писали они,— так как и без того земли очень мало...»²¹.

Помещики стремились осуществить такой способ разверстания земель, при котором им было легко вмешиваться в крестьянское хозяйство, приспособлять его к своим собственным экономическим нуждам.

Так, некоторые помещики везде тщательно определяли неудобные земли, расположенные в границах отводимой крестьянам земли, и специально оговаривали, что они находятся в распоряжении помещика. Впоследствии эти земли стали своеобразной доходной статьей для помещика, потому что всегда можно было найти нарушения прав собственности со стороны крестьян. Необходимо сказать, что во всей губернии только единичные грамоты так скрупулезно отмечали неудобные земли, не вошедшие в крестьянский надел. Это действительно была политика дальнего прицела²².

В других уездах Московской губернии помещики действовали примерно так, как в Волоколамском, но были и некоторые особенности. В Богородском уезде, например, мы встречаемся с большим количеством фактов включения в крестьянский надел земли из-под вырубленного леса, по которому поднимается поросль. Так, например, крестьяне села Кузьева получили надел в 461 десятину, из которых 321 десятина — из-под сведенного леса. Земля из-под вырубки леса составляла, по нашим наблюдениям, от 30 до 60% надела в местах, близких к пунктам лесосплава или к фабрикам. В этом уезде весьма характерна и другая форма «разверстания»: крестьяне получали в надел землю из-под леса, который должен был быть сведен в сроки от 5 до 10 лет. Крестьяне сел Богослова и Карякина получили 462 десятины такой земли, что составляло 70% их надела²³.

К вопросу о качестве земельного надела непосредственно примыкают и факты ухудшения усадебной земли у крестьян путем перенесения их усадеб, что неминуемо приводило к потере старого приусадебного участка земли, который всегда отличался более тщательной обработкой и удобрением, чем полевые наделы.

Вопрос о переносе крестьянских усадеб был одним из центральных, вызвавших бурные дебаты в Московском комитете. Характер и значение этого вопроса достаточно полно освещены В. И. Пичетой²⁴. Конкрет-

²¹ ГИАМО, ф. 66, оп. 3, д. 2836, л. 6об.

²² Каблуков публикует полностью договор с крестьянами одного из таких помещиков, заключенный в 1873 г., в котором ярко отражены факты эксплуатации крестьян на основе аренды ими отрезанных земель. См. «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики», т. V, вып. 1, М., 1879, стр. 187.

²³ ГИАМО, ф. 66, оп. 3, уставные грамоты соответствующих селений.

²⁴ См. В. И. Пичета. Вопрос о перенесении усадеб крестьян в Московском губернском комитете по крестьянскому делу в 1858 г. «Ученые записки Института истории (РАНИОН)», т. 4, М., 1929.

ные же, реально происшедшие изменения в расположении крестьянских усадеб, количество переносов в Московской губернии в литературе неизвестны.

По данным уставных грамот девяти уездов Московской губернии, только крестьянских усадеб было перенесено более 500. Деревенские кузницы, хлебные общественные магазины, любые промышленные заведения, как правило, переносились. Оставление их на прежнем месте обычно достигалось особыми соглашениями крестьян-владельцев с помещиком. В то же время помещичьи амбары, сушильные сараи кирпичных заводов, всевозможные хозяйственные постройки оставались на крестьянских наделах. Наиболее характерен перенос усадеб в Богородском, Клиском и Серпуховском уездах. Но в каждом из них действительные, а не официальные причины переноса были различны.

В Богородском уезде, как правило, помещики добивались переноса усадеб тех крестьян, которые имели какие-нибудь промышленные заведения, и помещики охотно соглашались на оставление этих усадеб по особым соглашениям с крестьянами. Своеобразный шантаж «крепких мужичков» приводил обычно к тому, что помещики получали дополнительные доходы. Этим можно объяснить то, что фактическое количество перенесенных усадеб в три раза меньше предполагаемого по проектам уставных грамот.

В Клиском уезде, как правило, переносились усадьбы в тех селениях, которые были расположены на Московско-Петербургской железной дороге и на этом же шоссе-ном тракте. В этом уезде самый высокий процент перенесенных усадеб по сравнению с общим количеством их — до 2%.

В Серпуховском уезде перенесение усадеб было связано с особой заинтересованностью помещиков в усадебной земле крестьян, как наиболее ценной. Исторически сложившийся высокий удельный вес усадебной земли в наделах серпуховских крестьян не давал покоя помещикам. Еще в момент выработки местного положения в Московском дворянском комитете они были инициаторами проекта ограничения размера усадебной земли до 840 сажень на усадьбу. Перенесение усадеб было удобным предлогом для захвата лучшей крестьянской земли.

Московские помещики охотно применяли еще одну форму перенесения усадеб. Чтобы избежать расходов на обеспечение крестьян лесом и прочими материалами для устройства изб на новом месте, они оговаривали в уставных грамотах, что усадьбы крестьян будут оставаться на старом месте до ветхости, а новые дома и хозяйственные постройки крестьянам на этой земле строить запрещалось. В качестве иллюстрации можно привести ряд примеров из уставных грамот Волоколамского уезда, где перенос крестьянских усадеб не был заметным явлением, но некоторые случаи переноса очень характерны. Б. С. Щереметьев 24 февраля 1862 г. в момент подготовки уставной грамоты на село Волочаново писал мировому посреднику: «Временнообязанный

крестьянин села Волочанова Владимир Михайлов Бушуев имеет мельницу на земле, не поступающей в надел крестьянского общества, а потому мною было объявлено, что на основании статьи 91 Местного положения он должен независимо от оброка платить 6% с оцененной суммы, исчисленной вдвое против усадебной земли, но означенный крестьянин на это условие не согласился. Прошу приказать перенести в годовой срок мельницу с моей земли на землю, поступающую в надел крестьянскому обществу»²⁵. Бушуев согласился на перенос мельницы. В этом случае примечательно не только стремление помещика к наибольшей своей выгоде, но и то обстоятельство, что богатый крестьянин, мироед, может позволить себе одновременную большую затрату денег, связанную с переносом, лишь бы освободиться от помещичьего гнета.

В селе Сидельницах помещика Коншина подлежала перенесению «фабрика крестьянина Козьмы Матвеева и сарай Никиты Матвеева». Но Козьма Матвеев, как свидетельствует акт мирового посредника от 15 октября 1862 г., доказал, что «его фабрика находится в пределе его усадебной оседлости». Этот же помещик в другом своем селе перенес кузницу и прочие крестьянские кустарные заведения²⁶.

Стремление помещика к переносу усадеб наблюдалось и в тех случаях, когда интерес представлял усадебный земельный участок. близость его к рынку, огород, сад и пр. Иван Николаевич Гончаров перенес усадьбы шести крестьян деревни Ярополец, но крестьяне обжаловали это действие. Выяснились весьма интересные факты: в 1819, 1840 и 1845 гг. эти крестьяне выплатили матери Гончарова — Наталье Ивановне Гончаровой — 1130 руб. серебром за проданные им 2 десятины земли. На этой земле крестьяне построили каменный дом с каменной лавкой около базарной площади, двухэтажный дом и 5 одноэтажных деревянных домов общей стоимостью 1910 руб. серебром, затем они посадили 40 яблонь на 120 руб. но никаких документов у крестьян, конечно, не было. Вотчинные книги за эти годы пропали и подтвердить их записями не представлялось возможным. Тогда крестьяне собрали свидетельские показания 75 стариков смежных деревень, отправили доверенных в Министерство внутренних дел, но их справедливое требование не было удовлетворено²⁷.

При разверстании крестьяне лишались годами установившихся прав пользования водоемами, выгонами, водосточными каналами, мостами и пр.

Большое значение в деле ограбления крестьян помещиками имели отрезки.

По предложениям редакционных комиссий в Московской губернии в случае наделения крестьян даже пониженными наделами количества отрезных земель должно бы-

ло достигнуть 41 864 десятин²⁸. Эти предположения, конечно, не оправдались.

Бытующие до сих пор в литературе данные о размерах отрезков не отражают действительной картины. Это не секрет для исследователей, но степень их отклонения от истины может быть выяснена только на основе материала уставных грамот. По существующим в литературе сведениям в Московской губернии у помещичьих крестьян было отрезано 69 396 десятин земли, что составляет 7,5% дореформенного крестьянского надела²⁹.

В действительности же, по данным уставных грамот, у крестьян было отрезано 123 567 десятин земли, что составляет 14,2% их прежнего надела. Эта цифра отрезки получена на основании данных уставных грамот девяти уездов, обработанных мною, и данных четырех уездов, явившихся объектом исследования Г. В. Ильина и С. С. Филипповой.

Таким образом, среднегубернский процент отрезков, известный до сих пор в литературе, был занижен на 6,7. Это самое большое расхождение между данными традиционных источников для вычисления отрезков и данными уставных грамот из всех подвергшихся исследованию губерний. Упомянутый нами В. Серебряков установил, что в Саратовской губернии было отрезано не 38,1%, а 42,4% дореформенного надела. По вычислению В. Г. Зиминой, фактический процент отрезков по Владимирской губернии не 12,3%, а 15,7%. В первом случае разница составляет 4,3%, во втором — 3,4%, у нас — 6,7%. Эти факты лишней раз вскрывают научную несостоятельность приема А. Е. Лосицкого, предлагавшего ввести коэффициент увеличения существующих в литературе данных об отрезках, исходя из результатов работы В. Серебрякова.

Хотя А. Е. Лосицкий был совершенно прав, когда писал, что «эту поправку можно признать минимальной, так как в губерниях с большим количеством покосных, выгонных и лесных угодий пропуски в материалах редакционных комиссий должны быть еще больше»³⁰, тем не менее никакими коэффициентами Лосицкого нельзя восстановить действительную картину, и единственный способ — сплошное изучение уставных грамот.

Поуездные данные о количестве отрезков в Московской губернии, полученные нами в результате обработки уставных грамот, опубликованы в только что вышедшей книге П. А. Зайончковского³¹. Они лишней раз показывают, сколь большое разнообразие исчезает при пользовании средними общегубернскими данными. Достаточно сказать, что амплитуда колебаний среднеуезд-

²⁸ Первое издание материалов ред. комиссий, 1860. СПб., т. IV, лл. 341—343.

²⁹ П. А. Зайончковский. Указ. соч., стр. 206.

³⁰ А. Е. Лосицкий. Хозяйственные отношения при падении крепостного права. «Образование», 1906, № 11а, стр. 210.

³¹ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., М., 1958, стр. 184.

²⁵ ГИАМО, ф. 66, оп. 3, д. 706.

²⁶ Там же, д. 675, 800.

²⁷ Там же, оп. 1, д. 2537, лл. 1—22.

ных процентов отрезков достигает 18,1. В группу уездов, где размер отрезков не превышал 10%, входят Богородский, Бронницкий, Московский, Подольский, Серпуховский. В этих уездах, кроме Подольского, более широкое развитие промышленности, чем в других уездах Московской губернии, привело задолго до реформы к снижению размера крестьянского надела, поэтому здесь процент отрезков меньше. Сравнительно низкий процент отрезков в Подольском уезде может быть объяснен другими особенностями этого уезда. Его промышленное развитие далеко не достигло степени первых четырех уездов, но зато здесь были благоприятные условия для усиленного включения помещичьего и крестьянского производства в торговый оборот.

К группе уездов, где отрезки превышали 15% дореформенного надела, относятся Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Клинский, Коломенский и Рузский уезды. Из этой группы выпадает Коломенский уезд, отличающийся от остальных своим географическим и экономическим положением, а также таким важным признаком, как широкое распространение оброка. По всем этим признакам Коломенский уезд скорее примыкает к первой группе. Г. В. Ильин, исследовавший уставные грамоты этого уезда, считает, что причиной высокого процента отрезков здесь является стремление помещиков сохранить за собой богатые поемные луга, занимающие довольно значительное место в земельных угодьях. Остальные же уезды этой группы, географически расположенные на северной и северо-западной окраинах губернии, вдали от промышленного центра, представляют район, где земледелие сохранилось как основной источник существования крестьянского населения. Преобладание крупного землевладения и широкое распространение барщинного труда в дореформенное время предreshили высокий процент отрезков. В пореформенное время именно здесь процветали отработки, хотя вся Московская губерния была отнесена В. И. Лениным к губерниям с преобладанием капиталистической системы хозяйства у землевладельцев³². Процент отрезков в Можайском уезде достигает почти четверти дореформенного надела и объясняется теми же причинами, что и в предыдущей группе. Может быть, повышение процента отрезков в Можайском уезде объясняется и тем, что основные владения многих помещиков были расположены в соседней Смоленской губернии и земля в Московской губернии казалась для них большей ценностью.

Из таблицы поуездных данных можно определить географию отрезков и в общих чертах объяснить причины их размеров. Более конкретные различия в «политике отрезков» и географии их мы получаем при рассмотрении данных уставных грамот в другом аспекте (табл. 4). Здесь нам придется оперировать данными девяти уездов, так как Г. В. Ильин и С. С. Филиппова группировали данные уставных грамот по другому принципу (снова убеждаемся в не-

обходимости и целесообразности единой методики группировки данных уставных грамот, имея в виду их использование в обобщающих монографиях). В нашей группировке по экономической мощи помещичьих хозяйств и формам эксплуатации есть необычная группа крестьян — крестьяне помещика Митусова. До реформы крестьяне села Шелякова Можайского уезда «были в вольном положении, платя помещику доход за наем у него земли, оцененной по десятилетней сложности прежнего оброка на десятину всего 700 рублей, что выходило по 2 руб. серебром на десятину». Эта группа не может быть причислена ни к одной из привычных форм эксплуатации крестьян до реформы и дается как отдельная.

Необходимо также объяснить вертикальные графы, касающиеся абсолютной и фактической отрезки. Эти графы мы вводим впервые. Оправданность их, на наш взгляд, объясняется тем, что они дают возможность в какой-то степени отразить в сводной таблице индивидуальные особенности сводимых данных. Понятно, что одновременно отрезка и прирезка не встречались: были случаи отрезки и прирезки, следовательно, сельское общество, из надела которого отрезались земли, ничего реального не получало из-за того, что другому обществу прирезалась земля. При исключении из сводного материала такого рода различий скрадываются эти особенности.

Конечно, было бы неверно выводить размер отрезков без учета прирезанной земли, так как нас интересуют действительные, реальные условия выхода всего крестьянства из крепостной зависимости, но пренебрегать цифрой «абсолютных отрезков» как косвенным материалом, отражающим атмосферу массового сокращения дореформенного надела крестьян, не следует.

Таблица 4 подтверждает, что процент отрезков понижается по мере возрастания экономической мощи помещичьего хозяйства: у мелкопоместных он выше, чем у среднепоместных, а у последних выше, чем у крупнопоместных. Разумеется, что абсолютное количество отрезанной земли не вскрывает этой закономерности. Совсем наоборот, количество отрезанной земли у крестьян крупнопоместных владельцев почти в три раза больше отрезанной земли у других групп. Здесь-то и сказывается наиболее ярко основная тенденция реформы — сохранить и по возможности упрочить крупное землевладение как основу политического строя царского самодержавия.

Внутри вышеназванных групп при дифференцировании их по форме эксплуатации мы сталкиваемся с явлениями, в равной мере характерными для мелкопоместных и среднепоместных. У оброчных крестьян наибольший процент отрезков, меньший — у бывших на смешанной повинности и еще меньший у барщинных. В группе крупнопоместных, наоборот, самый высокий процент отрезков у барщинных и самый низкий у оброчных. Чем же объяснить такое резкое различие в «политике отрезков» помещиков этих групп?

Прежде всего следует отметить, что данные по первым двум группам не совпадают

³² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 162.

ТАБЛИЦА 4

Группировка помещичьих хозяйств по размерам имений	Группировка помещичьих хозяйств по форме эксплуатации крестьян	Пореформенный надел		Надел по уставным грамотам		Абсолютная отрезка		Прирезка к дореформенным наделам		Фактическая отрезка		Процент фактической отрезки
		дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	
Мелкопоместные	Оброчные	2 156	761	1 403	2 202	778	1 899	26	940	752	959	34,9
	Смешанные	712	645	493	1 800	223	1 665	5	420	218	1 245	30,6
	Барщинные	718	1 867	680	1 689	65	940	27	762	38	178	5,2
	Итого	3 587	873	2 578	891	1 067	2 104	58	2 122	1 088	2 382	27,1
Среднепоместные	Оброчные	50 633	2 244	40 239	1 757	11 586	1 003	1 192	516	10 394	487	20,5
	Смешанные	36 074	31	30 203	374	6 734	675	863	1 018	5 870	2 057	16,2
	Барщинные	42 287	859	37 373	54	6 165	2 291	1 251	1 486	4 914	805	11,6
	Крестьяне Митусова	350	—	164	1 200	185	1 200	—	—	185	1 200	52,8
	Итого	129 345	734	107 980	975	24 672	369	3 307	620	21 364	2 149	16,5
Крупнопоместные	Оброчные	184 963	1 790	163 164	1 344	26 861	2 177	5 062	1 731	21 799	446	11,8
	Смешанные	216 977	1 128	183 543	1 354	37 656	1 427	4 222	1 653	33 433	2 174	15,4
	Барщинные	42 502	366	35 678	12	8 045	2 078	1 221	1 724	6 824	354	16,0
	Итого	444 443	884	382 386	310	72 564	882	10 507	308	62 057	574	13,9
Итого по губернии (9 уездов)	Оброчные	237 753	2 395	204 808	503	39 277	279	6 281	787	32 945	1 892	13,8
	Смешанные	253 763	1 804	214 240	1 128	44 614	1 367	5 091	691	39 523	676	15,5
	Барщинные	85 508	692	73 731	1 755	14 277	509	2 500	1 572	11 776	1 337	13,7
	Крестьяне Митусова	350	—	164	1 200	185	1 200	—	—	185	1 200	52,8
	Всего	577 376	91	492 944	2 186	98 304	955	13 873	650	84 431	305	14,6

с привычными в литературе наблюдениями о более высоком проценте отрезков у барщинных крестьян. Данные же группы крупнопоместных о проценте отрезков укладываются в рамки этих наблюдений.

На наш взгляд, утверждение о высоких процентах отрезков среди барщинных крестьян возникло в результате оперирования средними погубернскими данными. Естественна предпосылка исследователя, сравнивающего среднегубернский процент отрезков и среднегубернские данные о распространении того или иного вида феодальной эксплуатации и делающего из этих сравнений определенный вывод. Если в Московской губернии по данным литературы был сравнительно низкий процент отрезков и высокий процент распространения оброчной повинности, то естественно было говорить о характерности невысокого процента отрезков у оброчных крестьян. При этом, если учесть высокий удельный вес крупнопоместных в Московской губернии, где процент отрезков у оброчных ниже, чем у крестьян, бывших на барщинной или смешанной повинности, данный вывод был близок к истине, но он не раскрывал всего многообразия этого явления.

Мелкопоместные и среднепоместные помещики Московской губернии в силу ряда вышеуказанных причин (при характеристике размера наделов) более бережно подходили к хозяйству барщинных крестьян, чем к хозяйству оброчных крестьян.

У крупнопоместных барщинные крестьяне занимали небольшой удельный вес в общей массе зависимых от них крестьян, поэтому они не придавали им такого значения, как среднепоместные. Стремясь расширить свои земельные угодья и хозяйствовать за счет отрезков, они особенно были заинтересованы в повсеместной отрезке.

При группировке данных грамот вне зависимости от степени экономической мощи помещичьих хозяйств еще ярче проступает та закономерность, о которой мы говорили выше: у барщинных крестьян отрезка самая минимальная из всех групп крестьян, выделенных по формам эксплуатации.

При анализе размера отрезков немаловажное значение имеет и такой вопрос, ускользавший из поля зрения прежних исследователей, как действительное количество крестьян, земельные наделы которых подвергались отрезке. Чем шире в территориальном отношении объект исследования, тем этот вопрос важнее. Когда мы выведем средний процент отрезки, например по уезду, мы узнаем степень сокращения земельного надела на каждую душу крепостного населения и при этом неминуемо затушевываем истинное положение дел у крестьян, надел которых сократился, так как в каждом уезде были крестьяне, земельный надел которых не изменился или же увеличился. Правда, в последнем случае мы корректируем итоги отрезков, исключая прирезку, но и это по сути дела означает искусственное увеличение размера земельного надела у крестьян, не получивших прирезки. В пределах волости эти частности едва уловимы, в уезде они уже более значительны, а в масштабе губернии о них нужно говорить особом, ибо они дают о себе знать и, кроме того, дают возможность определить некоторые дополнительные исходные пункты бурной дифференциации крестьян в пореформенный период.

Для того чтобы более четко представить число крестьян, земельные наделы которых подверглись отрезке, мы разбили на отдельные группы данные уставных грамот, фиксирующие неизменность надела, сокращение его и увеличение в пределах принятой нами

ТАБЛИЦА 5

Группировка крестьян по видам повинностей и по размерам наделов	Число крестьян	Дореформенный надел (в дес.)	Надел по уставным грамотам (в дес.)	Разница	% к дореформенному наделу
I. Оброчные					
Неизменный надел	19 343	50 163	50 163	—	—
Сокращенный »	37 947	151 398	112 170	39 227	25,9
Увеличенный »	14 215	36 192	42 474	6 281	17,3
II. Смешанные					
Неизменный надел	15 833	39 409	39 409	—	—
Сокращенный »	41 620	185 005	140 391	44 614	24,1
Увеличенный »	11 537	29 348	34 439	5 091	17,3
III. Барщинные					
Неизменный надел	5 943	15 739	15 739	—	—
Сокращенный »	13 168	57 502	43 227	14 274	24,8
Увеличенный »	4 445	12 265	14 764	2 498	20,3
IV. Крестьяне Митусова					
Сокращенный надел	47	350	164	186	53,0
V. Итого					
Неизменный надел	41 119	105 312	105 312	—	—
Сокращенный »	92 782	394 255	295 954	98 301	24,9
Увеличенный »	30 197	77 807	91 678	13 871	17,8

группировки. Сводные данные по девяти уездам представлены в таблице 5 (количество земли указано только в десятинах, отсюда небольшие расхождения итогов данной таблицы с итогами таблицы 4, где указаны и сажени. Однако эти расхождения никакого влияния на выводы не имеют).

Прежде всего мы можем отметить, что в представленных уездах 56,5% крестьян лишилось четвертой части своего дореформенного надела: процент отрезки у них достиг 24,9.

Однако следует помнить, что здесь речь идет только о сравнительных данных между группами, соответствующими трем формам эксплуатации крестьян, внутри же каждой группы число крестьян, земельный надел которых подвергся отрезке, всегда составляет больше половины общего их числа.

Наименьший душевой надел получили крестьяне, надел которых не изменился, а надел крестьян, получивших прирезку, едва достигает уровня надела крестьян, подвергшегося отрезке. Этот факт, свидетельствуя об унификации размера наделов, вместе с тем показывает, что помещики, имевшие земли и считавшие выгодным для себя увеличение крестьянского надела, никогда не доводили его выше голодной нормы, законодателем которой был помещик, отрезавший землю в свою пользу.

Низкий душевой надел крестьян, сохранивших дореформенный надел неизменным, может быть объяснен двумя обстоятельствами: во-первых, отсутствием свободных земель у помещиков или желанием их сохранить свои округленные земельные массивы, во-вторых, сравнительной выгодностью для помещика дать крестьянам первую и вторую десятину, так как они дороже оплачивались, чем последующие.

Поуездные данные наших подсчетов вскрывают своеобразие уездов (см. табл. 6). Мы приводим их в относительных величинах в графе «1» — процент отрезки в уставных грамотах, фиксирующих отрезку, в графе «2» — процент прирезки в грамотах фиксирующих прирезку.

Как видно из таблицы 6, даже самый низкий процент отрезков в графе «1» больше 20. В Богородском уезде самый низкий средний процент отрезков по губернии, однако крестьяне, надел которых сокращался, лишились 20,6% своего дореформенного надела. Самый высокий процент отрезков, и в данном случае, в Можайском уезде, т. е. там, где средний процент отрезков также самый высокий в губернии. Эти данные позволяют говорить о прямой зависимости размера среднего процента отрез-

ТАБЛИЦА 6

Группировки крестьянских хозяйств по видам повинностей	Богородский уезд		Верейский уезд		Волоколамский уезд		Дмитровский уезд		Звенигородский уезд	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Оброчные	20,7	17,1	28,0	18,7	35,4	5,9	41,1	27,0	23,5	21,7
Смешанные	22,7	27,0	25,7	20,5	20,5	16,0	21,8	1,8	29,6	39,5
Барщинные	12,2	30,4	15,7	19,0	29,8	11,7	22,3	13,6	18,9	6,9
Итого по уезду	20,6	20,2	24,6	19,2	26,4	12,4	25,0	11,6	26,5	20,1

Группировки крестьянских хозяйств по видам повинностей	Клинский уезд		Можайский уезд		Подольский уезд		Серпуховский уезд	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Оброчные	25,2	16,6	28,0	9,3	22,6	27,8	30,1	33,7
Смешанные	25,5	16,4	26,2	10,0	25,9	17,0	14,6	16,5
Барщинные	24,7	19,9	24,9	15,9	15,6	22,9	10,9	42,0
Итого по уезду	25,4	17,3	26,8	11,7	29,1	22,7	22,9	25,4

ков от размера отрезков в уставных грамотах, фиксировавших отрезки. Иначе говоря, группы, где земельный надел не изменился или увеличился, не оказывают решающего влияния на среднеуездный процент отрезков, так как земельный фонд основной массы крестьян сократился. Таблица показывает, что в некоторых уездах не отдельные общества крестьян, а целые большие группы лишились от 30 до 40% дореформенного надела, и снова подтверждает, что надел оброчных крестьян сокращался намного больше, чем надел барщинных.

Установив массовость значительных от-

резков, мы в качестве иллюстраций приведем ряд фактов чрезвычайных размеров отрезков³⁴. Они помогут восстановить конкретную картину выхода из крепостной зависимости определенных незначительных групп крестьян — «крестьян помещика NN», как называл их В. И. Ленин.

³⁴ Разумеется, что данные выборочного изучения размеров отрезков по отдельным грамотам, при всей кажущейся конкретности, могут служить только иллюстрацией. Весьма рискованно из этих фактов делать какие-либо выводы без анализа всех уставных грамот.

174 крестьянина Нары Фоминской Верейского уезда, принадлежавших Щербатовым и бывших на оброке, пользовались 985 десятинами земли, а по уставной грамоте помещики в этом же селе наделили 196 крестьян 686 десятинами земли, т. е. отрезали более 30%. В селе Таширове того же уезда у крестьян было 1481 десятина, а получили они 782 десятины³⁵. Таким образом, было отрезано более 47% дореформенного надела. Пять селений того же уезда, бывшие во владении А. В. Мещерского, получили 1375 десятин, а было у них 3560 десятин. Помещик отрезал 2185 десятин земли, т. е. более 61% дореформенного надела³⁶.

Такие же факты мы наблюдаем в другом уезде на северо-западе губернии, где, как известно, земледелие занимало основное и ведущее место в крестьянском хозяйстве. А. С. Меньшиков, владевший огромными земельными богатствами в Клинском уезде, крестьянам 12 селений, имевшим до реформы 7428 десятин, оставил только 5013 десятин, отрезав свыше 32% их надела. Эти примеры отчетливо показывают стремление крупных землевладельцев увеличить количество своей земли. В уездах, где процент отрезков был не столь велик, мы наблюдаем такое же стремление преимущественно у средних помещиков. В Богородском уезде оброчные крестьяне двух сел — Савина и Сергиевского — потеряли более 51% своего дореформенного надела³⁷, а надел по уставным грамотам крестьян села Фомина более чем в три раза сократился по сравнению с дореформенным³⁸. Это в равной мере касается Звенигородского, Серпуховского и Подольского уездов.

Качество отрезаемой земли не поддается массовому изучению. Многочисленные крестьянские жалобы обычно характеризуют ее положительно, по-видимому, в массе своей отрезалась лучшая земля. Однако следует, на наш взгляд, учитывать и тот факт, что какая бы ни была земля, если она в крепостное время находилась в пользовании у крестьян и была введена в их хозяйственный оборот, она представляла для них определенную ценность. Особенно остро крестьяне ощущали отрезку даже неудобных лугов и сенокосов. Нередки случаи, когда крестьяне упрашивали управляющего или помещика сохранить за ними болотистый, кочковатый сенокос, отрезанный как неудобный.

Итак, анализ материалов об отрезках приводит к выводу, что реформа создавала дополнительные земельные резервы у помещиков, особенно у крупных, и создавала экономические предпосылки развития крупного капиталистического сельского хозяйства, в первую очередь прусского типа.

В литературе по реформе 1861 г. обычно обходят вопрос о прирезках, об увеличении наделов крестьян по сравнению с дореформенными. О них вспоминают только при ха-

³⁵ ГИАМО, ф. 66, оп. 3, д. 630 — уст. грамота.

³⁶ Там же, д. 503—506, 525 — уст. грамоты.

³⁷ Там же, уст. грамота, № 22.

³⁸ Там же, уст. грамота № 140.

рактеристике реформы в западных губерниях и демагогических действий царского правительства.

Конкретный исторический материал, собранный в ряде диссертаций, авторы которых использовали уставные грамоты в качестве источника, содержит данные о прирезках. Однако в том случае, когда эти факты не замалчиваются, авторы стыдливо пишут о случайности этих прирезков. Между тем материал Московской губернии свидетельствует о массовости этих фактов. От этого нельзя отмахнуться, необходимо объективно изучить их и проанализировать. Достаточно сказать, что в случаях прирезки душевой надел крестьян в среднем увеличивался на 1080 кв. сажен. Это весьма существенное приращение. Как и следовало ожидать, наибольший процент прирезки мы наблюдаем у крестьян, бывших на барщине, — 20,3% к дореформенному наделу крестьян, получивших прирезку. Это снова подтверждение вышевысказанного тезиса о сравнительной заинтересованности помещика в сохранении сельскохозяйственного производства барщинных крестьян. Правда, здесь может быть и другая причина: увеличение надела для получения более высокого оброка в случае перехода крестьян на оброк, но эта причина более приемлема для объяснения случаев увеличения надела у оброчных крестьян, ибо, как правило, помещики, державшие своих крестьян на оброке и не собиравшие вести сельскохозяйственное производство, после реформы раздавали крестьянам те земли, которые были у них заняты под собственной запашкой.

Количество прирезаемой земли на душу у барщинных также выше, чем у оброчных (соответственно у первых — 0,56 десятины, у вторых — 0,44), и так как ни в первом, ни во втором случае пореформенный надел не достигает своей высшей нормы, и, следовательно, эта прирезка не давала помещику права получать десятирублевый оброк, следует признать, что первопричиной увеличения земельного надела у барщинных является желание сохранить на месте рабочую силу и сносный инвентарь. Это подтверждается и анализом размеров прирезки у крестьян, бывших на смешанной повинности. Казалось бы, если стремление к увеличению оброка вызывало прирезки, то должны были бы быть особенно большие прирезки в этой группе. Между тем этого нет. Мы наблюдаем здесь самый низкий размер прирезки на душу, хотя известно, что крестьяне, бывшие на смешанной повинности, переводились на оброк.

Сохранить крестьянина у земли, сохранить его живой и мертвый инвентарь точно настолько, насколько он может пригодиться в помещицком хозяйстве, — вот экономический смысл прирезки. Частичное сокращение запашки в момент реформы у помещиков, лишившихся крепостного труда, также могло влиять на увеличение крестьянского надела, но это, очевидно, не было массовым явлением.

Таблица 4 отражает и вопрос о размерах прирезки, предпринятой разными категориями помещиков. Среднепоместные, в массе своей не сокращавшие запашку в це-

приод реформы и более остро, чем крупнопоместные, чувствовавшие, как рушится их привычный хозяйственный уклад (только 36,8% их крестьян до реформы были на оброке, а у крупнопоместных — 45,4), прирезали 2,5%, в то время как крупнопоместные — 2,3%. Самый низкий процент прирезки у мелкопоместных. Надежда на продолжение сельскохозяйственного производства теплилась только у помещиков, державших крестьян на барщине, и здесь самый высокий процент прирезки — 3,7%, но это была простая попытка сохранить натуральное мелкое хозяйство чисто потребительского характера. Поуездные процентные данные о прирезках позволяют дополнить наши выводы еще одним любопытным наблюдением.

Сравнивая данные Богородского и Волоколамского уездов, мы видим, что процент прирезки в первом случае у барщинных достигает 30,4, а во втором — всего 11,7. Даже в оброчном, капиталистически развитом Богородском уезде, как показывает конкретный материал, часть помещиков не мыслила себе будущее без барщинного труда крестьянина со сравнительно устойчивым хозяйством.

Следует различать два вида прирезок — за повинности и безвозмездные. Когда говорилось о причинах прирезки, имелись в виду прирезки за повинности. Однако в общую сумму прирезанной земли вошли и безвозмездные прирезки. Таблица 7 дает представление об их размерах (в десятинах).

ТАБЛИЦА 7

Наименование уездов	Мелкопоместные			Среднепоместные			Крупнопоместные			Всего по уезду
	оброчн.	смеш.	барщ.	оброчн.	смеш.	барщ.	оброч.	смеш.	барщ.	
Богородский	—	—	—	22	—	—	415	6	2	445
Вере́йский	7	—	—	17	—	112	97	207	—	440
Звенигородский	—	—	—	—	—	3	—	—	—	3
Клинский	—	1	17	180	27	91	189	199	63	767
Можайский	—	—	—	—	2	—	8	4	25	39
Подольский	—	—	—	13	—	7	8	30	—	58
Серпуховский	3	—	—	141	36	19	25	35	—	259
Дмитровский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Волоколамский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	10	1	17	373	65	232	742	481	90	2011

Передаваемая крестьянам безвозмездно земля составляет более 14% всей прирезанной земли. Наибольшее количество безвозмездно прирезанной земли отмечаем в Клинском уезде. В Волоколамском и Дмитровском уездах безвозмездной прирезки не было. Внутри уезда наибольший процент безвозмездной прирезки падает на группу оброчных. Это обстоятельство несколько не колеблет нашего утверждения о незаинтересованности помещика в увеличении надела у оброчных крестьян. При анализе причин безвозмездной прирезки необходимо учитывать ряд обстоятельств, которые легко обнаруживаются при привлечении делопроизводственного материала грамот. Можно назвать несколько наиболее массовых причин безвозмездной прирезки: невыгодное для крестьян разверстание, «компенсируемое» безвозмездной прирезкой, желание помещика добиться добровольного подписания грамоты, компенсация за неудобные земли, включенные в надел, безвозмездная прирезка при условии аккуратного исполнения повинностей и пр.

Выше говорилось, что Клинский уезд дает самый высокий процент безвозмездной прирезки. Характерно, что в этом же уезде самый высокий процент неподписанных грамот — 71%. На втором месте по количеству безвозмездно данной земли стоит Богородский уезд, а здесь свыше 53% неподписанных грамот. Не была ли безвозмездная передача особой формой давления на кре-

стьян с целью добиться «согласия» на грабительские условия реформы? Очевидно, там, где сопротивление крестьян введению грамот было массовым и настойчивым, применялось это наиболее остро действующее средство. Не поэтому ли наименьшее количество неподписанных грамот в Волоколамском уезде по сути дела не требовало от помещика безвозмездной прирезки земли, и Волоколамский уезд их не имеет? Отдельные помещики, и особенно управляющие именными крупными помещиков, добиваясь добровольного разверстания, а иногда прямо указывая на нежелательность жалоб крестьян, предлагали небольшие земельные подачки. Однако не все случаи безвозмездной передачи земли могут быть подобным образом объяснены. Элемент случайного и субъективного не исключается.

Само собой разумеется, что качество этих земельных участков было самым низким — в большинстве случаев это площадь, покрытая либо мелким кустарником, либо из-под вырубленного леса. Впрочем, и земли, прирезанные за повинности, были не намного лучшего качества.

Факты и наблюдения, полученные при анализе уставных грамот, как источника по изучению реализации «Положений» 19 февраля 1861 г., по вышеизложенной методике обработки и группировки данных позволяют охарактеризовать реальное содержание реформы 19 февраля 1861 г. для московских крестьян и помещиков следующим образом.

Помещики потеряли право собственности на 282 128 крестьян и 9474 дворовых мужского пола и членов их семей, на живой и мертвый инвентарь этих крестьян, но сохранили право на их землю, за которую крестьяне обязаны были помещику оброком.

Помещики наделили землей только 260 055 крестьян губернии, 21 547 человек (13%) были полностью обезземелены, а из крестьян, получивших землю, только у 3,3% оказались наделы выше голодной нормы—3,5 десятины, установленной в качестве высшей нормы для большинства уездов губернии. Помещики сохранили за собой право разрешения выкупа полевого надела.

Взамен крепостного права помещики получили: во-первых, 123 567 десятин лучших земель, отрезанных у крестьян, потеряв от снижения размера оброка 127 268 руб. 97 коп. Эта сумма легко компенсировалась взиманием платы за топливо и другими поборами, вытекавшими из прав помещика, предоставленных ему «Положением».

Во-вторых, обеспеченный гарантированный государством ежегодный доход в сумме 2 150 641 руб. 79 коп. оброка и труда крестьян, оставшихся на барщине.

В-третьих, возможность перевода на выкуп крестьян по условиям, не менее выгодным для себя, чем условия дореформенного выкупа крепостных. В доказательство этого приводим следующие расчеты. Казенная цена, установленная для взимания пошлин при заключении сделок купли и продажи, была такова: 10 руб. 50 коп. за десятину и 150 руб. за одну ревизскую душу.

За продажу 744 738 десятин земли, ушедшей в надел крестьянам, по дореформенным условиям помещики получили бы 11 171 070 руб., а за выкуп 252 022 душ (мы отбрасываем число крестьян, оставшихся на барщине и в сумму выкупа не вошедших) — 37 803 300 руб. Следовательно, в дореформенное время помещики получили бы около 49 млн. руб. за выкуп; по условиям уставных грамот они должны были получить по выкупу около 39 млн. руб. Но если исходить не из официальной, а из фактической дореформенной цены ревизской души вместе с наделом, то она составляла 120—150 руб., т. е., принимая высшую фактическую цену, помещики и до реформы получили бы не более 39 млн. руб. за своих крестьян, но зато они должны были бы их обеспечить более высокими наделами, чем они это сделали в момент реформы.

Меньше других потеряли и наибольшие выгоды получили крупные помещики. Они сохранили за собой свыше 50% всего помещичьего земельного фонда (по данным девяти уездов), оставшегося за наделом крестьян землей, потеряв всего около 2% доходов от снижения размера оброка, в то время как мелкие и средние помещики потеряли соответственно 5,0—10,4%. Таким образом, условия реформы обеспечили сохранение крупного землевладения.

Крестьяне получили личную свободу, номинальное понижение оброчных платежей на 51 коп. с души, номинальное потому, что плата за каждую десятину земли, отведенную в надел, увеличилась по сравнению с дореформенной на 23 коп. с десятины (по данным девяти уездов). 95% крестьян, бывших на барщинной повинности, освободились от нее; все крестьяне в массе своей — от всех прочих натуральных повинностей.

За это они заплатили потерей 14,2% своего дореформенного надела и повинностями, ставшими их в прямую экономическую зависимость от помещика.

Крестьяне, выходящие в результате реформы на оброк, облагались более высокими повинностями, и их надел больше сократился, чем у крестьян, бывших на оброке до реформы. Поэтому крестьяне промышленных уездов вышли из крепостной зависимости на сравнительно более легких условиях, чем крестьяне уездов, где промышленное развитие не было так ярко выражено. В целом же следует сказать, что реформа способствовала унификации размера оброка и надела по различным уездам губернии.

Тяжелые условия выхода из крепостной зависимости не были безропотно приняты московскими крестьянами. Их «партизанская борьба» с помещиками во всех ее проявлениях носила прогрессивный характер, так как не только способствовала общему ослаблению помещичьего класса и царизма, но и приводила во многих случаях к ликвидации конкретных, местных пережитков феодализма и расчищала путь капиталистическому развитию.

В. И. Ленин считал, что вопрос «как быстро развивается капитализм?» несравненно менее важен, чем вопросы «как именно?» и «откуда?» Данные об экономических условиях ликвидации крепостного права в московской помещичьей деревне дают тот массовый статистический материал, который при сравнении с экономическими таблицами московского земства представляет возможность проследить конкретные факты капиталистической эволюции московской деревни. Вместе с тем они позволяют, если не пересмотреть, то во всяком случае подвергнуть сомнению укоренившееся в нашей литературе мнение о незаинтересованности московских крестьян и помещиков в земле в момент введения уставных грамот.

Если такое мнение основывалось на материалах деятельности Московского губернского комитета, то конкретные итоги реформы не подтверждают его. И средний по губернии процент отрезки и массовость конкретных случаев, когда отрезка достигает 25—40%, свидетельствуют о том, что московские помещики рассчитывали на рост дифференциальной ренты I, вызванный промышленным развитием и железнодорожным строительством, и увеличение доходов, основанных на частной собственности на землю.

